

Э. Бабаев

«Медный всадник»

Свою последнюю, самую зрелую и глубокую поэму «Медный всадник», написанную в 1833 году, Пушкин оставил в рукописи, и она появилась в печати уже после смерти поэта, в 1837 году, в журнале «Современник». Поэму эту готовил к печати Жуковский, которому суждено было пережить своего ученика. Текст подвергся цензурной правке, и понадобилось еще много лет, чтобы поэма обрела свой первоначальный вид.

«Медный всадник» внутренне связан и с «Полтавой», и с «Домиком в Коломне». В «Полтаве» Пушкин писал, что «в гражданстве северной державы», «в ее воинственной судьбе» лишь Петр Великий воздвиг себе «огромный памятник». Теперь он увидел этот памятник вблизи, взглянул в лицо «медного всадника» и был поражен блеском красоты и гордости.

Герой поэмы «Медный всадник» Евгений — человек из самых смиренных и кротких. «Живет в Коломне, где-то служит...» И невесту его зовут Парашей, как дочь бедной старушки из поэмы «Домик в Коломне». И у него была мечта о семье, о тихой жизни в своем доме, в своем кругу. <...>

Однажды мечта привела его к домику Параша, в другой раз он оказался в камерке бедного Евгения. Но счастье семейной и домашней жизни не давалось Пушкину ни в «Домике в Коломне», ни в «Медном всаднике». И, может быть, прежде чем вырос трехэтажный дом на том месте, где когда-то жила Параша, наводнение снесло ветхий домишко на «пустынный остров».

«Город пышный, город бедный» — так рисовал Пушкин в одном из своих стихотворений Петербург. «Дух неволи, стройный вид». Противоположные определения сходились в одной строке. Самые резкие противоречия уживались в одной эпохе. На этом построен и сюжет поэмы, которая была великим творением Пушкина-мыслителя.

Как «поэт действительности», Пушкин мыслил не только объективно, но и диалектически. Начиная роман «Евгений Онегин», он как бы между прочим заметил: «Противоречий очень много, но их исправить не хочу...» Он видел в жизни противоречия, которые присущи природе и истории и которые нельзя «исправить», потому что они входят в условия бытия.

«Медный всадник» — самое сложное произведение Пушкина. Эту поэму можно рассматривать как историческое, социальное, философское или фантастическое произведение. И Петр Великий здесь появляется как историческое лицо «на берегу пустынных волн», как символ — «над самой бездной», как миф, как «Всадник Медный / На звонко скачущем коне». Он проходит через целый ряд «воплощений».

Но почему Евгений так тянется к Петру? И почему Евгений и Петр как бы связаны друг с другом? И Медный Всадник скачет за ним «по потрясенной мостовой»...

Незачем искать прямых связей с событиями начала века в этой поэме. Но было бы странно, если бы события века не отразились в поэме, наполненной думами об истории и современности. <...>

Трагедия состояла в том, что Петр вызвал к жизни мечты декабристов, но основанная им империя подавила и развеяла их восстание. «И, зубы стиснув, пальцы сжав, / Как обуянный силой черной, / “Добро, строитель чудотворный!” — шепнул он...» И вот тогда дрогнуло лицо грозного царя, взглянувшего со страшной высоты на бедного Евгения.

Судьбы свершились. Гремит военная столица, вьются по ветру флаги, высоко трепещет штандарт державы. «Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром», — говорит Пушкин, как бы отгоняя облако печали, окутывающее его. Но рядом стоят совсем

другие строки: «Была ужасная пора... / О ней свежо воспоминанье...» У Пушкина была вера, которая помогала ему смело смотреть в лицо истории.

Он верил в Россию, и это чувство составляет пафос его поэмы. «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия», – пишет Пушкин. Нужна была его мужественная и строгая мысль историка и поэта, чтобы найти эти слова глубокой и истинной веры в жизнь.

В стилистике «Медного всадника» отчетливо обозначены два разнородных начала: торжественная ода и «смирренная» элегия. Это разноречие стиля, стилистическое противоречие, вполне отвечало сложному замыслу Пушкина. Он тяготеет к одической возвышенности там, где звучит тема Петра, и возвращается к элегической задушевности, когда касается темы Евгения.

В поэме два плана — и оба истинные. Для Пушкина были одинаково достоверны и деяния Петра Великого, и страдания бедного Евгения. Пушкину был близок мир Петра, была понятна и дорога его мечта — «ногою твердой стать при море». Он видел, как перед Петром, «Мощным властелином судьбы», смирилась «побежденная стихия».

Но при этом Пушкин сознавал, какая дорогая цена была заплачена за это торжество, какой ценой был куплен стройный вид военной столицы. Поэтому в его поэме есть истинная глубина, высокая человечность и суровая правда.

В эпилоге поэмы Пушкин упоминает «остров малый», «пустынный остров», где «не взросло ... ни былинки».

Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров...

Посещал этот остров и Пушкин.

Это был остров Голодай, где, по преданию, были тайно похоронены казненные декабристы. И он, этот «остров малый», тоже принадлежал истории, неотделимой от славных дел и горестных воспоминаний. По своей многозначности и многомерности «Медный всадник» представляет собой явление почти чудесное.

Вот почему и сам Пушкин неотделим от мира «Медного всадника», где так властно звучит его голос, так проникновенно каждое слово его лирических признаний:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

В этих стихах есть магия белых ночей, когда контуры великого города вырисовываются как историческая панорама бессмертной поэмы.